

ПЕТР КОТЕЛЬНИКОВ

Меч от Дамокла

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН. ТОМ II

Петр Котельников

**Меч от Дамокла.
Исторический роман. Том II**

«Издательские решения»

Котельников П. П.

Меч от Дамокла. Исторический роман. Том II /
П. П. Котельников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830201-5

Император российский Петр Великий умирал, разогнав до неведомой в Европе скорости государственный путь движения страны, но не обеспечил её назначением на пост капитана избранного им наследника. Прекратив действие прежнего указа о наследовании российского престола, он не издал нового, что привело Россию после его неожиданной смерти к многочисленным потрясениям, к насильственным смертям занимавших престол. События этого периода истории страны и стали основой произведения.

ISBN 978-5-44-830201-5

© Котельников П. П.
© Издательские решения

Содержание

Власть взята, что с ней делать?	6
Прилипалы	11
Над головою меч висит	13
Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке	18
Милосердие монархини	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Меч от Дамокла
Исторический роман. Том II
Петр Петрович Котельников

© Петр Петрович Котельников, 2017

Редактор Олег Петрович Котельников

ISBN 978-5-4483-0201-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Власть взята, что с ней делать?

Той стылой ноябрьской ночью одни двигались из Смольного в Зимний брать власть и за наградами, других сонных извлекали из пуховых постелей, чтобы у них власть забрать, а самих примерно наказать.

Сколько раз такое повторялось,
Я считать такое не берусь.
Как душа твоя из тела рвалась —
Родина моя, Святая Русь
И за что ты терпишь эти муки,
Милая родня сторона
Тянут лихоимцы к тебе руки
И страданиям нет конца и дна!

Переворот был кратким по времени, выстрелы не звучали, Крики и ликования взявших власть по звучанию не превышали обычного шума, доносившегося из дворца в праздничные дни и ночи. Санкт-Петербург мирно спал, ничего не ведая о случившемся. Небольшие группы гренадёр двигались по улицам города, чтобы без лишнего шума арестовать приверженцев Брауншвейгской фамилии. Так были арестованы Миних, затем граф Головкин и барон Менгден, обер-гофмашал Левенвольде и морской генерал-комиссара Лопухин. Тридцать гренадеров были отправлены арестовывать ненавистного Остермана

Арестованных отправляли в Петропавловскую крепость.

На исходе третий час ночи. Ночь темная и мороз великий, но на улицах было заметно всё усиливающееся движение. Люди небольшими группами двигались к Смольному — «царевнину дворцу», где располагался двор Елизаветы. Гвардии полки с ружьями шеренгами стояли уже вокруг него и в ближайших улицах и для облегчения от стужи во многих местах раскладывали огни, а другие, поднося друг другу, пили вино, чтоб от стужи согреться, причем шум разговоров и громкое восклицание многих голосов: «Здравствуй наша матушка императрица Елизавета Петровна» воздух наполняли

Наступило серое петербургское утро,

Во дворец Елизаветы стали стекаться важные сановники: иные приезжали сами, других приглашали. Князь Шаховской, к примеру, был разбужен стуком в ставню его спальни Экзекутор Дурново возбужденно прокричал, что надо-де «наискорее ехать в цесаревнин дворец, ибо-де она изволила принять престол российского правления и я-де с тем объявлением теперь бегу к прочим сенаторам». Шаховской бросился к окну, чтобы расспросить о подробностях, но экзекутор уже исчез. Прибыв ко дворцу князь через толпу пробрался во дворец и спросил у первого попавшегося на его пути сенатора князя Голицина:

— Как это делалось?

— Не знаю, — ответил тот, пожимая плечами

Явились генерал-прокурор князь Трубецкой, начальник Тайной канцелярии Ушаков, адмирал Головин, князь Черкасский. Был вызван и Алексей Петрович Бестужев. Все были возбуждены, никто толком ничего не мог понять. Многим из них было от чего волноваться и чего опасаться — Прежде они Елизавету не жаловали... А теперь она — императрица!..

Наконец перед собравшимися появился Петр Шувалов, камергер Елизаветы, и коротко сообщил о происшедшем. Воцарилось полное веселье, вот только было ли оно естественным?.. Вскоре из своих внутренних покоев ее императорское изволила в ту палату, где санов-

ные вельможи собрались, войти и с весьма милостивыми знаками, принять от них подданные поздравления, дозволив им руку свою целовать.

Если бы кто-то из собравшихся в душу новой императрицы заглянул, то понял бы какое, невидимое им, напряженное ожидание неприятного царило в ней. За улыбками и милостивым взглядом, прикрытая ими, царила тревога. И было от чего властвовать ей. Все перевороты и вообще любое восхождение на трон, делала партия во главе с сильным лидером: для Екатерины Первой и для Петра Второго – Меншиков, для Анны Иоанновны – Голицын, м Долгорукие, для Анны Леопольдовны – Миних. У Елизаветы Петровны ни партии, ни ее лидера не было. Елизавета – ветренная и легкомысленная, должна была сама возглавить поход во дворец. Господин случай вел ее к победе, а рядом находились слуги ее. Никто не рисковал так, как она, – уж слишком ненадежным было ее окружение

В ночь переворота 25 ноября общими усилиями министры сочинили манифест, в котором говорилось, что по смерти Анны Иоанновны наследником престола «учинен внук ее величества, которому еще от рождения несколько месяцев было», потому «правление государства через разные персоны и разными образами происходило» и в государстве были непорядок и разорение. Из-за того гвардия, а также светские и духовные чины просили для пресечения этого безобразия Елизавету, «яко по крови ближняя отеческий престол воспринять, что она и сделала».

Воронцов – камергер ее двора прочитал наскоро составленный манифест, из которого так сложно было установить, законны ли действия Елизаветы. В каком качестве ее следует воспринимать?.. Может быть, регентшей при существующем императоре Иване VI? Может она решила, свергнув власть герцогов Брауншвейгских, передать ее внуку Петра – принцу Карл —Петру Голштинскому? Мысли такие, возможно возникшие коке у кого из собравшихся были прерваны...

Манифест был объявлен, полки приняли присягу. Елизавета вышла на балкон собственного дома и была встречена общим ликованием и криками, в которых приветствовали «матушку императрицу Елизавету».

Для собравшихся главным был конец немецкому засилью!

Много будет нелестного сказано в адрес императрица российской Елизаветы Петровны, ума ее касающегося. Но скорее всего, это будет простым злопыхательством людей, плохо разобравшихся в особенностях Государыни, много сделавшей для России. Наиболее объективной, мне кажется, была оценка, данная Елизавете французским послом д'Альоном: «У нее был только женский ум, но его было у нее много».

Времени у Елизаветы было немного. Нужно было срочно укрепить тылы свои, одарив тех, на кого она могла положиться и убрать тех, кто мог ей хоть чем-то помешать, да и подумать над текстом нового манифеста, устраняющего места, возможно, недоумение вызывающие.

Алексей Петрович Бестужев, блестящий политик, и интриган не в меньшей степени, здорово поработал над текстом манифеста. Теперь он звучал так:

«Согласно завещанию Екатерины I, „утвержденный народом“ порядок престолонаследия имеет следующий вид: в случае бездетной смерти Петра II престол переходит к цесаревне Анне Петровне и ее потомству, после – цесаревне Елизавете Петровне, мужскому полу было дано предпочтение перед женским, но имелось точное указание, что никто, не принадлежащий к православному исповеданию, не имеет прав на трон. На основании завещания матери Елизавета была после смерти Петра II единственной законной наследницей, но духовная императрицы Екатерины коварными происками Остермана была скрыта от народа...»

Права на престол российский имел и внук Петра – принц Голштинский. Этот вопрос был решен приглашением в Россию его и обращением в православие. Регентшей при нём сделать Елизавету.

Позднее об этом пункте манифеста... забыли! Елизавета стала императрицей, а племянник Петр – наследником.

Наступил очередь раздачи подарков лицам, помогавших восхождению Елизаветы на престол:

30 ноября, в праздник св. апостола Андрея Первозванного, было великое торжество. После праздничной литургии в придворной церкви Елизавета раздавала чины и ордена. Генерал-аншефам Румянцеву, Чернышеву и Левашову и тайному советнику Алексею Бестужеву были пожалованы Андреевские ленты. Кавалеры прежнего двора Елизаветы Петр и Александр Шуваловы, а также Воронцов и Алексей Разумовский получили чин действительных камергеров. Лесток стал лейб-медиком в ранге действительного тайного советника, при этом он получил директорство над медицинской канцелярией и всем медицинским факультетом с жалованьем в семь тысяч рублей. Хорошие деньги, если учесть, что он мало понимал в медицине и все болезни лечил кровопусканием. Брат Алексея Бестужева Михаил был назначен вместо Левенвольде обер-гофмаршалом

Особую награду государыни получили гренадеры Преображенского полка. Они попросили у Елизаветы, как о милости, присягнуть ей первыми. После этого появился новый военный институт – лейб-компания – личная гвардия ее императорского величества, а сама Елизавета стала капитаном этой роты. Капитан-поручик в лейб-компании равнялся по чину полному генералу. Все рядовые, капралы и унтер-офицеры были пожалованы потомственным дворянством с гербами, на которых имелась подпись: «За ревность и верность». Все они также получили усадьбы со значительным числом душ. Деревни для подарков все были из конфискованного имущества арестованных: Остермана, Миниха и прочих.

Упомянутый сержант преображенец Петр Грюнштейн за особое участие в перевороте получил дворянство и 927 крепостных. Елизавете показалось, что этого мало, и она подарила ему на свадьбу еще 2000 душ.

Крест надев на шею, не спасаешь душу,
Остается сущность та же, что была.
Если гордость, алчность продолжаешь слушать,
Помни: жадность многих к острогу привела!

Грюнштейн оказался, с точки зрения императрицы, крайне неблагодарным. Изволил возгордиться сверх меры своими заслугами. Борясь, как он думал за правду, выступил против генерал-прокурора князя Трубецкого. Трубецкой не поддержал Грюнштейна, тогда он пожаловался на Трубецкого Алексею Григорьевичу Разумовскому. В поисках правды он обвинил семью самого Разумовского. Наверное, не понимал, что своими обвинениями затрагивает тайного мужа самой императрицы. Закончилась судьба так, как в сказке «про рыбака и рыбку» сказано – Государыня милостиво изволили Грюнштейна с семейством выслать в Москву, чтобы его содержать в Тайной контре, а потом отправили всех в Устюг – на родину Деда Мороза

От веры отказаться можешь,
Что предками дана была тебе.
Змеиной не подобна коже —
Ее сменив, ты изменил судьбе
Открыл ты множество дверей

Твоей душе сулящих неудачу
Ты перекрещенный еврей,
Предателем к тому же стал в придачу!

Раздав подарки, можно было и недругами заняться

Государственный переворот породил в обществе настоящий взрыв национального чувства. Дома многих иностранцев в Петербурге подверглись разгрому, а в армии едва не произошло поголовного истребления иноземных офицеров. Пришлось вмешаться Елизавете, которая 28 ноября издала манифест, где доказывала незаконность прав на престол Ивана VI и выставляла целый ряд обвинений против немецких временщиков и их русских друзей, но защищала невинных.

По суду Остерману, Миниху, Головкину и Левенвольду были вынесены смертные приговоры. Осужденные, едва волоча ноги, поднимались на эшафот. Со стороны Невы дул пронзительный холодный ветер. Но холода собравшиеся посмотреть, как будут слетать немецкие головы не замечали. Уже стоя на эшафоте, осужденные были помилованы Государыней Елизаветой.

Смерть была заменена ссылкой в Сибирь.

Собравшиеся на площадь посмотреть на казнь злодеев, были возмущены мягкостью приговора

Толпа чуть не линчевала их. Солдаты с превеликим трудом спасли помилованных.

Теперь встал вопрос – что делать с Брауншвейгской фамилией. Вначале Елизавета думала отправить семейство, так сказать, по месту жительства, то есть за границу, была даже определена сумма их пансиона, позволяющего жить вполне безбедно. Семейство в сопровождении Салтыкова отправили в Ригу, с указанием везти тихо, объезжая большие города. Потом Елизавета призадумалась, да и советчиков было много, – а правильно ли это? Во всяком случае, надо дожидаться приезда в Петербург наследника Карла Голштинского, еще неизвестно, как посмотрит на это Европа. Салтыков получил новое указание – не торопиться, по неделе жить в каждом населенном пункте. За наследником был послан в Киль майор барон Корф и благополучно 28 февраля 1742 года доставил его в Петербург.

Шло время, а Брауншвейгское семейство так и жило в Риге, понимая, что путь за границу им заказан. Заговор против Елизаветы в 1743 году (так называемый «бабий», не заговор, а недоразумение) очень ухудшил их судьбу. Елизавета боялась, а потому решила переселить все семейство на Соловки. До Соловков не доплыли, а осели в Холмогорах

Несчастный младенец-император был вместе со своими родителями сослан в Холмогоры, но содержался отдельно от семьи и никогда больше не видел ни мать, ни отца. Позже его перевели в Шлиссельбургскую крепость: Елизавета до самой смерти опасалась заговора и переворота в пользу Иоанна. Поэтому содержание экс-императора было оговорено специальной инструкцией, требующей от дежурных офицеров крепости убить заключенного, буде опасность освобождения его появится. Историки впоследствии назовут несчастного «русской Железной маской»

И опять же, ее удивительный обет, данный перед иконой: «не казнить людей смертию». Над ней потом издевалась вся Европа – какое безрассудство, какая наивность! Закон об отмене смертной казни не был официально оформлен, но ведь не казнили. Судьи продолжали приговаривать к смерти, но она не подписывала бумаги, смягчая участь осужденных. Жестокость никуда не делась, был кнут, батоги, резали языки, выжигали на лбу тавро «вор», но головы не рубили. Елизавета очень боялась свергнутого ею Ивана VI, судьба его ужасна, всю жизнь в тюрьме, но он ведь жил! Но как только трон заняла умница-разумница Екатерина Великая, его тут же и убили, а Мировича казнили «отрублением головы». А сколько

по пугачевскому делу на плаху пошло! Можно, конечно, сказать, что в царствование Елизаветы не было такого масштабного и страшного бунта. Но ведь этот масштабный и страшный не на ровном месте появился, Екатерина сама создала его причины. В этом – не казнить смертью – главное величие Елизаветы, насмотрелась она казней в детстве и в молодости, и поняла, что царица должна быть милосердной.

Прилипалы

Придворные подобны прилипалам,
(У каждого отменный аппетит)
Им сколько ни давай – всё будет мало
Глаза горят, слюна ручьём бежит!

От власти оттеснен – утраты велики,
Иной какой нанесен властью вред...
Нет силы укусить – утрачены клыки...
Шипенье слышится змеиное вослед...

Власть в России сменилась. Те, кто помогал новой власти утверждаться, награждаются чинами, титулами, землями, иными благами. Кто вблизи прежней власти находился, потери несет, если не материальные, то моральные. Зависть проклятушая, скрытая и открытая, постоянно грызет, напоминая об утраченном. Особенно тяжело приходится видеть, как процветают властью наверх поднятые из низов, прежде называемые «подлыми». Одни, понимая, что злоба может наружу вырваться, сами от двора в свои вотчины уходят, чтобы нанесенные раны зализать. Другие – «кучкуются», чтобы ненавистью своею, утратами причиненною с другими поделиться. Это общение позволяет постоянно надежде тлеть на возврат к прошлому. Люди не понимают, что вернувшееся «прошлое» прежней формы иметь уже не будет. Дважды в воду одной и той же реки не войти!

Послы иностранных держав, в России пребывающие, интересы своих властителей блюдушие, всегда обращают внимание на лиц, недовольных российской властью. Такие недовольные – прекрасный источник информации, позволяющий приблизиться к пониманию происходящего, чтобы спрогнозировать свои действия в выполнении тех задач, которые были им поставлены. Самым ненавистным для многих дипломатов зарубежных была фигура Алексей Бестужева – ведущего корабль внешней политики России по курсу, не устраивающих многих, в первую очередь Францию и Пруссию. Россия тесно сотрудничала с Австрией. Ни Францию, ни Пруссию этот союз не устраивал. Ни уговоры, ни интриги, ни подкупы не помогали: вице-канцлер на уступки не шел – приходилось думать как его убрать прочь от власти путем хотя бы преступления. Но в XVIII веке предпочитали всему хорошую придворную интригу; при русском дворе в интриганах недостатка не было. Вот их и следовало использовать в грязной борьбе с ловкостью и чистотой поведения самого Бестужева, делавшим невозможным прямое нападение на него.. Бросить тень на Бестужева можно было вбить хотя бы малый клинышек во взаимодействия политических партнёров. Таким клинышком мог стать бывший посол Австрии в России – Ботта. Его рассуждения и уверения, сделанные в июне 1743 года, могли весьма не понравиться императрице Елизавете. Антон Отто Ботта уверял слушателей, что

правительство добродушной и мягкосердечной Елизаветы Петровны не могло прочно установиться в России, и вскоре должно было смениться партией Иоанна, сторонники которого рассчитывали вполне насладиться властью за время долгого регентства, установленного ими по случаю малолетства императора. Он уверял, что у него в России много друзей, разделяющие его взгляды на происходящие события

Врагам Бестужева предстояло разыскать этих друзей

Присутствующий на свадьбе графини Ягужинской с канцлером российским Михаилом Петровичем Бестужевым французский поверенный в делах Д'Альон обратил внимание

на то, что вокруг выходящей замуж графини вьется немалая группа гостей, которых с полным основанием следовало бы отнести к оппозиции нынешней Государыни императрицы Елизаветы. В голове француза возник план устранения брата канцлера – Алексея Петровича, непреодолимой крепостью стоявший на пути реализации политики Парижа. План пока еще слабо прочерченный резцом мысли Д'Альона, но вполне реальный для выполнения. Центральной фигурой в этом плане становилась Анна Гавриловна Ягужинская, ставшая после свадьбы графиней Бестужевой. В девичестве она носила фамилию Головкиной. А Головкин Михаил Гаврилович, прежде занимавший пост вице-канцлера российского, был осужден императрицей Елизаветой сослан. Измазать графиню в политической грязи, означало свалить обоих Бестужевых – Михаила и Алексея.

Не умаляй возможности врага,
Не оставляй и малой щели.
Ошибка станет лишком дорога
Коль враг достигнет своей цели

Сам Д'Альон в силу статуса своего при императорском дворе был ограничен в своих возможностях. По размышлению, лучшего исполнителя, чем Лесток, ему не найти. Подвижный, умный, умеющий легко завязывать знакомства и легко находит слабые стороны в себе-седнике, располагающего его к доверительному разговору, Лесток Иван Иванович, он же Иоганн-Герман, он же Жан Арман де Лесток – представитель древнего французского дворянского рода находился в России со времен Петра и наказанный им же за избыточное влечение к девицам непорочным, достиг высочайшего положения при Елизавете Петровне, стал графом, действительным тайным советником, директором медицинской канцелярии, продолжая считаться и лейб-медиком Государыни российской. Лесток понял всю выгоду «предприятия, которое может способствовать заключению союза России Франции, сделает его, Лестока, еще более нужным императрице Елизавете и даст возможность доказать Людовику XV, что получаемые из Парижа 15000 ливров ежегодно, не впустую тратятся. Ему недолго пришлось искать того, с кого следовало. Среди знакомых графини Анны Гавриловны Бестужевой самыми открыто выражающими свое недовольство правящей Государыней было семейство Лопухиных. Сред этого семейства подполковник, находящейся вне дела, Иван Лопухин недержанием слов в пьяном виде особенно отличался. Об этом Ивану Лестоку удалось узнать совсем случайно

Над головою меч висит

Мне царский двор напоминает
Собак грызущую свору.
Затишье временным бывает —
Собаки спят в ночную пору.

И вдруг одна поднимет вой,
Ей лаем отвечает стая.
Потом набросятся гурьбой —
Грызня идет, не умолкая.

Так и среди придворных – тишь да блажь только временными бывают. Всё временное – ничего постоянного. Друг другу кланяются, улыбаются, а за пазухой каждый булыжник носит, норовя при случае камушком тем да к головушке приложиться. Дамам целуют ручки, но и откусить пальчик, и не только его, запросто могут, зазевайся только... Между мужчинами ведутся долгие доверительные разговоры, а верить им никак нельзя – используют сказанное и целиком, и в выдержках в доносе своём. Грамота для того и дана, чтобы доносы, поскрипывая гусиным пером по бумаге, писать.. Донос каждый строчит, заметив, что фигура чья-то изволила разок, другой пошатнуться... Государыня не так глянула на своего придворного и тут же в его адрес сыплется так много обвинений, что правду от кривды уже просто и не отличить. За выбивание истины принимается Тайная канцелярия. А этого заведения «Тайного» даже вельможа первого ранга, как огня боится. Ведется допрос с пристрастием – и начинаются и оговоры, и наговоры. Чем дольше допрашивают, тем больше виновных появляется. А в крепость попал, то считай, пропал. Из крепости прямая дорога на эшафот. Вот только на эшафот поднимается теперь не один, на кого донос поступил, приговоренный, а множество, в том числе и абсолютно невинные, друг друга незнающие...

В первые годы царствования Елизаветы Петровны Тайной канцелярии работы прибавилось: то и дело открывались новые и новые заговоры, вызванные противоборством и интригами приближенных к престолу лиц. В мутной воде каждому рыбку половить хочется. А возможности, если их здорово поискать, всегда находятся. Елизавета Петровна, сохранив жизнь Иоанну VI и его семейству, все время помнила, что ее враги, находящиеся в России, будут, как предлогом, пользоваться восстановлением их на престоле. Опасаться следовало постоянно...

Был прежде крепким ее сон,
Стреляй из пушки – не проснется.
Ждёт нынче бед со всех сторон —
Вот-вот «костлявая» коснется...

И подозрительность пришла
Везде враги могилу роют...
И ждет, чтоб ночь скорей ушла,
Чтоб наступил момент покоя.

Изредка, уединяясь от толпы придворных, Государыня вспоминала те дни, которые проводила а Александровской слободе, будучи в то время просто цесаревной, не имеющей

прав на царский престол, а поэтому и не опасной персоной. Она понимала, что всегда имелась возможность появления чего-то неприятного и даже опасного. Но это было бы тогда просто случайностью не прогнозируемой. Случайность она в расчёт тогда не брала, ведя простую жизнь в деревне, Двор цесаревны был тогда мал, люди проверенные – чего ей опасаться? Летом жила в легком летнем доме, на зиму перебираясь в зимний, на каменном фундаменте, достаточно хорошо утепленный. Всё рядом, всё под руками: и лес, и речка, луга и поля. В церковь пойти – так она во имя Захария и Елизаветы находилась тут же рядом, под боком. Вокруг был разбит большой сад и цветники. Забыв о своем царском происхождении, она дружила с крестьянскими девушками. С ними песни пела, в легком сарафане по зеленой травушке-муравушке, да босиком, с ними хоровод водила. Да и в других девичьих забавах участие принимала. Сердечными тайнами с цесаревной делились девушки Александровской слободы... А она, охоча была до амурных тайн.

За стол садилась вместе с ними, ела еду простую крестьянскую, подруг пряниками угощала и другими сладостями, в крещении новорождённых участие принимала. В половине изб крестьянских ее «крестники» были. Непоседой была дочь Петра. Надоедали тихие игры – на коня садилась. Знала цесаревна толк в лошадях – любимым развлечением была верховая езда. Любила скорость большую и, не страшась препятствий, неслась вперед, только ветер в ушах песню свою пел. Ездить могла по-татарски и по-европейски... Набегавшись, натопавшись за день, сладко спала до третьих петухов.

Всё это осталось далеко позади. Теперь она ждала, когда подданные Ее Величества императрицы Елизаветы, станут развлекать ее. А между развлечениями временами и страхи пустые стали приходиться... Впрочем, так ли уже они были пустыми?... Стала бояться спать в деревянных домах, опасаясь пожаров, и не тех, которые во время грозы возникают, а поджогов. Боясь смерти и болезней, не терпела разговоров о мертвых и болезнях. Боялась жутко темноты, поскольку во тьме не увидишь, откуда угроза идёт, не спала до самого утра в окружении фрейлин, рассказами разными, ее забавляющими. Сплетнями тоже интересовалась, только подробностями многими разбавляемыми. Засыпала, когда солнечные лучи утренние через стекла окон в спальню начинали проникать. Более всего на свете боялась государственного переворота.

Ну, не странно ли: когда долго думаешь о чем-то неприятном, оно ту же приходит неожиданно, нежданно!

Вот и сегодня сообщение о заговоре пришло в тот момент, когда государыня менее всего ждала сообщений о нём. Окружение государыни ждало, когда Елизавета Петровна изволит дать знак о переезде на лето в Петергоф. Уже с прошлого вечера шла подготовка к нему. Составлялись списки вещей, которые следовало с собой взять, чтобы не забыть что-то, понадобившееся государыне в пути. Переезд сопровождался кучей всяких сложностей: помимо одежды и вещей первой необходимости, надо было загрузить телеги мебелью, зеркалами, светильниками... Всё это могло ломаться и биться... Страшил не сам факт повреждений или утраты, а то как воспримет это государыня? А ее действия были всегда непредсказуемыми...

Июль 1743 года, погожее утро, не жарко, дует легкий ветерок. Все телеги загружены, все вещи упакованы. Ждут сигнала Государыни. А вот и она, поддерживаемая камер-юнкером князем Голицыным с одной стороны, и камергером Шуваловым с другой, появляется из дверей дворца. Черный мальчишка-арап в белоснежной одежде, так контрастируемой с цветом его кожи, на вытянутых руках несет шлейф ее платья. Государыню долго усаживают в карету чтобы ей ничто не мешало, чтобы было удобно сидеть. Ну, вот, слава Богу, собрались, наконец. Государыня удобно устроилась в карете лицо ее скрывается за проемом каретного окна... И вдруг, все слышат частый громкий цокот конских копыт. Взмыленная лошадь появляется на площадке перед крыльцом дворца и, как вкопанная, останавливается.

Слышен громкий храп коня от боли врезавшихся в губы его металлических удиц. Всадник легко оставляет седло, соскакивает с коня и почти бегом направляется к карете государыни, на ходу крича: «Как я рад, что успел застать вас, Ваше Величество!»

Государыня в изумлении. Появление лейб-медика графа Ивана Ивановича Лестока так неожиданно... Ясно, что-то случилось? И по всей видимости чрезвычайно неприятное?.. О радостных событиях, нарушая придворный этикет, так не сообщают. Да и лицо Лестока не обычно, на нем выражение

страха и растерянности. К тому же, он небрежно одет – такого с графом Лестоком никогда не бывало. Государыня не на шутку встревожена и говорит:

Придите в себя граф, и расскажите, что случилось?

С волнением и дрожью в голосе Лесток отвечает:

– Государыня всем нам угрожает опасность! Мне доподлинно стало известно, что обер-штальмейстера Куракина, камергера Шувалова и меня хотят убить... А потом отравить и вас Государыня...

– Кто? – спросила императрица, побелев от страха

– Заговорщики...

– А конкретнее – кто?

– Пока мне известно про одного... Это – Иван Лопухин... но, мне кажется, что нити заговора тянутся к графу Бестужеву...

Упоминание о Лопухиных всегда была неприятно императрице... От них всегда следовало ждать неприятностей. Но сейчас не время заниматься разговорами – следует действовать!

– Распорядитесь, чтобы охрану выставили! – Приказывает Елизавета Петровна камергеру.

Шувалов бросается исполнять приказание императрицы. Ужас охватывает двор. Поездка, естественно, тут же была отменена. Теперь царский дворец напоминает крепость в осаде. Нет привычных движения и шума. Придворные ни днем, ни ночью не смыкают глаз. Куракин и Шувалов заперлись в своих покоях. Около каждой двери теперь стоят часовые. У дверей покоев императрицы постоянно дежурит гвардейский пикет. Часовые сменяются каждые два часа. Томительное ожидание продолжается двое суток. К вечеру третьих был изловлен и взят под стражу первый «злодей». Им оказался подполковник Иван Лопухин. Появилась работа и у следственной комиссии. В нее вошли – генерал-прокурор Трубецкой, лейб-медик Лесток и глава Тайной канцелярии Ушаков. Комиссия приступила к первым допросам.

Опять над головою меч
На волоске висит.
Тому причина – злая речь.
О том молва гласит.

Пустой и бабий разговор,
А говорят – измена
Клеймо на лбу поставят – «вор»
И ссылка – непременно!

Лопухины хорошо были известны в России. Старинный княжеский род, ведущий свое начало от самого Рюрика. Лопухины когда-то были сказочно богаты, да и теперь они не бедствовали. Уцелел род во времена Ивана Грозного. Обласкан был Государем Алексеем Михайловичем. Родовая печаль началась тогда, когда Евдокия Лопухина была избрана в жены царю

Петру Алексеевичу. Все бы ничего... и сына Евдокия Петру подарила, в честь деда названного Алексеем, и угождала на каждом шагу супругу своему... Но оказался царь непутевым, стал часто в Немецкую слободу наезживать, девку себе там нашел Анну Монсову... И летело всё в тартарары. Мешать стала государю жена законная, брак с которой был заключен по церковным православным правилам. Заточил он Евдокию в монастырь – в опале оказался род Лопухиных. Своего сына Алексея от Лопухиной не пожалел, к смертной казни приговорив. Вздохнули свободнее Лопухины, когда государь Петр Алексеевич душу Богу отдал. А с приходом на престол внука императора, сына убиенного Алексея Петровича, стал плечи расправлять старинный княжеский род. Двоюродный брат Евдокии, первой жены царя Петра, Степан Лопухин был пожалован чином генерал-кригс-комиссара. Чин высокий, обязывающий присутствовать на высших военных советах. Ничего предосудительного о нем не скажешь. И в быту, и по службе ровен и спокоен генерал, и в исполнительности ему тоже не откажешь. Вот только при Анне Леопольдовне дружен был с опальным Левенвольде. Но в этой дружбе ничего крамольного найдено не было. Жена его Наталья Федоровна, как была статс-дамой императорского двора при Анне Леопольдовне Брауншвейгской, статс-дамой и при Елизавете Петровне осталась. Почиталась эта статс-дама одной из первых красавиц Москвы. Может быть по этой причине, может по другим, – кто чувства женщины поймет, – но стала Наталья Федоровна Лопухина неприятной императрице Елизавете. Впрочем, роду императорскому Романовых приходилось неприятности ожидать от Монсов. От царя Петра это пошло... В девичестве своем Наталья Лопухина носила фамилию Балк и доводилась племянницей Виллиму Монсу, тому самому любимцу Петра Великого, которого он заподозрил потом в любовной связи с женой своей и велел казнить в назидание другим. Многие позволяли себе Монсы недозволенного. Вот и Лопухина ка-то посмела нарушить дворцовый этикет, установленный самой императрицей. Согласно ему никто на балу не имеет право одевать платье нового фасона прежде того, как его не обновит сама императрица. Такое же правило касалось и причесок.

И надо же, Лопухина посмела, по глупости своей, украсить свою прическу розой, такой же, какой императрица украсила свою головку. Елизавета тут же прервала танцы, заставила Лопухину встать на колени и собственноручно срезала розу с ее головы вместе с прядью волос. После этого она закатила негоднице две увесистых пощечины. Лопухина от ужаса и неожиданности лишилась чувств. Ее унесли. Глядя ей вслед, Елизавета бросила: «Ништо ей дуре!» и опять пошла танцевать.

Может быть, от того Елизавета и поверила в заговор, что в нем первой значилась фамилия Лопухиных. В доме Натальи Лопухиной был поставлен караул, письма ее и мужа были тут же опечатаны...

Знала бы только государыня, дав ход следствию, что весь «заговор» придуман и продуман хорошо ей знакомыми людьми, кого она прежде ценила и дружбой своею не оставляла!

Ими были французский посол Шетарди и Лесток (Жан Арман) Иван Иванович. Острием своим «заговор» был направлен против графа Бестужева, российского канцлера, постоянно уклоняющегося от военного союза с Францией. Сколько денег было Парижем потрачено, сколько сил израсходовано, но канцлер оказался непоколебимым и неподкупным. Знала бы Елизавета, как радостно потирают руки прежние ее французские «друзья», уже довольные самым началом расследования! Еще более их радовало то обстоятельство, что членом комиссии по расследованию является и Жан Арман Лесток, лейб-медик императрицы, сенатор и граф.

Сам «заговор» родил и сам его расследует! Изобретательный мозг француза из ничего «факты» выудил. А всё началось совсем случайно...

Знала бы только государыня, дав ход следствию, что весь «заговор» придуман и продуман хорошо ей знакомыми людьми, кого она прежде ценила и дружбой своею не оставляла.

Ими были французский посол Шетарди и Лесток (Жан Арман) Иван Иванович. Острием своим «заговор» был направлен против графа Бестужева, российского канцлера, постоянно уклоняющегося от военного союза с Францией. Сколько денег было Парижем потрачено, сколько сил израсходовано, но канцлер оказался непоколебимым и неподкупным. Знала бы Елизавета, как радостно потирают руки прежние ее французские «друзья», уже довольные самим началом расследования. Еще более их радовало то обстоятельство, что членом комиссии по расследованию является и Жан Арман Лесток, лейб-медик императрицы, сенатор и граф.

Сам «заговор» родил и сам его расследует. Изобретательный мозг француза из ничего «факты» выудил. А всё началось совсем случайно...

Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке

...Служил в лейб-кирасирском полку тихий незаметный поручик Бергер, родом из Курляндии. Случилось так, что назначили того Бергера в караул к сосланному в Соликамск гофмаршалу Ольги Леопольдовны Брауншвейгской Левенвольде

Поручику туда так не хотелось ехать в Богом забытый Соликамск. В этой дыре на Каме нормальному человеку и жить нельзя. Служить там в конвое при ссыльном Левенвольде равно тому, что находиться самому в ссылке. Между ссыльным и конвойным – разница не велика. И пришлось бы Бергеру к «чёрту на куличках» отправляться, если бы господин случай не изволил вмешаться... Служил в одном полку с Бергером подполковник Иван Лопухиним. Весь царский двор знал про любовную связь матери Ивана – Натальи Федоровны – с сосланным Левенвольде. Знали некоторые в лейб-кирасирском полку, в котором служил, в том числе и Бергер об этой связи. Слишком болтливым был подполковник, особенно тогда, когда в подпитии оказывался. От сына услышала Наталья Федоровна про назначение Бергера в Соликамск и решила воспользоваться оказией, чтобы весточку любимому человеку послать. Попросила сына, чтобы он передал на словах через курляндца привет ее милому. «Пусть верит, что помнят его в столице и любят, – передала Лопухина, а потом добавила: – Пусть граф не унывает, а надеется на лучшие времена».

Тихим незаметным был Бергер, но тупым его уж никак не назовешь, если в фразах Натальи Федоровны увидел свое спасение. Вот только как воспользоваться услышанным?» думал поручик. И вспомнил он о том, что граф Лесток, не раз встречаемый в полку Бергером, легко вхож к самой императрице

И пошел он к Лестоку, чтобы «поразмышлять» вместе – что это за «лучшие времена» такие? Не надеются ли Лопухины и их окружение на возвращение трона свергнутому Ивану Антоновичу Брауншвейгскому? Лесток внимательно выслушал курляндца и велел Бергеру вызвать Ивана Лопухина на откровенность и даже в помощь ему нужного человека дал. А тут и праздник к случаю явился и пьянка в вольном доме... У пьяного Лопухина язык и развязался. Бергер сидит, беседует, а за другим столом сидит нужный человек и слово в слово записывает.

Л о п у х и н. – Ныне супротив прежнего времени жизнь не в пример скучнее.

Б е р г е р. – Должна же быть тому какая-нибудь причина?

Л о п у х и н. – Та и есть причина, что ныне веселье никому на ум нейдет. Вот, хоть о себе укажу. При дворе принцессы Анны Леопольдовны был и камер-юнкером в ранге полковника, а ныне определен в подполковники, да и то неведомо куда – в гвардию или армию. Это не обида? Обида мне, что каналья какая-нибудь – Лялин или Сивере в чины произведены из матросов. А сказать тебе, за что? За скверное дело. Ныне, друг любезный, веселится только наша государыня. В Царское Село со всякими непотребными людьми ездит, англиским пивом напивается, а те.

Б е р г е р. – Действительно, императрица очень весело время проводит.

Л о п у х и н. Императрица! Да знаешь ли ты, что ей и императрицей быть не следовало? Незаконная – раз; другое: фельдмаршал князь Долгоруков сказывал, что в те поры, когда Император Петр II скончался, хотя б и надлежало Елизавету Петровну к наследству допустить, да она беременна была. Теперь она Ивана Антоновича и принцессу Анну Леопольдовну со всем семейством в Риге под караулом держит, а того не знает, что рижский караул очень к принцу и к принцессе склонен и с лейб-компанией потягается. Думаешь, не сладит с тремястами канальями? Прежний караул крепче был, да сделали дело.

Б е р г е р. – Так ты думаешь, что принцу Иоанну Антоновичу...

Л о п у х и н. – Сам увидишь, что через несколько месяцев будет перемена. Недавно мой отец к матери писал, чтобы я не искал ни какой милости у государыни. Мать перестала ко двору ездить, а я был на последнем маскараде и больше не буду.

Б е р г е р. – А принцу Иоанну недолго быть сверженну?

Л о п у х и н. – Недолго!»

Правдой из всего сказанного было лишь то, что все Лопухины действительно были недовольны переворотом и воцарением Императрицы Елизаветы Петровны, что жалели об удалении правительницы Анны Леопольдовны. Все же остальное было просто пьяной болтовней обиженного Ивана Степановича, который позволил себе в недобрый час вслух помечтать о желательном для него повороте российской истории. Он ничего не знал, да и не мог знать, ни о рижском гарнизоне, ни о возможности скорого возвращения малолетнего Императора. Что мог знать молодой двадцати трехлетний молодой человек, далекий от политики? Да только то, что из писем отца присланных, да женских разговоров матери с гостями.

В Соликамск БергерУ так и не пришлось ехать, он теперь был нужен в Петербурге. Да и в кармане серебро зазвенело.

А у Лестока появился первый донос «справедливого человека» – поручика лейб-кирасирского полка Бергера.

Похоже, что у Бергера вкус к доносительству усилился. А подогревался он тем, что отправка в Богом проклятый Соликамск благодаря ему отошла в сторону и всё более становилась туманней, призрачней. Он теперь в Петербурге нужнее становился. Чтобы призрак ссылки, вынужденной несением воинской службы напрочь отошел, решил поручик закрепить уже достигнутое самостоятельным, и опять же несогласованным с Лестоком действием. Для этого он предложил другу своему майору Фалькенбергу принять активное участие в разговоре с Иваном Лопухиным. Обещание поощрения по службе от самой Государыни сделало Фалькенберга сговорчивым – он согласился. Чтобы не вызвать у Лопухина подозрительности, он стал при всяком удобном случае заговаривать с подполковником на эту тему.

22—го июля выдался удачный день, после полудня все трое оказались свободными от несения службы: Бергер, Лопухин, Фалькенберг

– Время раннее, чтобы расходиться по домам... А не сходить ли нам в вольный дом и отведать там по стаканчику-другому вина? – предложил Бергер.

– А почему бы и нет? – согласился Фалькенберг.

– Пошли! – сказал Лопухин поворачивая в сторону Невского

В вольном доме посетителей на этот раз было слишком много, шумно – всё тонуло в дыму...

Лопухин потянул носом, поморщился и сказал:

Сегодня здесь, как в хлеву... Ни поговорить, ни выпить... Пошли ко мне... Вино и водка найдутся.

Поднялись на второй этаж Лопухинского дома – здесь находились две комнаты, занимаемые подполковником.

– Снимайте мундиры, чтобы легче дышалось – предложил гостеприимный хозяин. Пока раздевались, рассаживались, расторопный слуга поставил на стол бутылки с вином и закуски.

Пили не торопясь. Велась беседа. Говорили о пустяках: карты, женщины, дуэли

– Богато живешь, заметил с завистью в голосе Фалькенберг, окидывая взглядом обстановку комнаты – У нас, в Курляндии, жизнь поскромнее будет...

– Да разве это – богатство? – качнул головой Лопухин и потянулся к вину.

– Ты, наверное, настоящего богатства и не видел, – продолжал он, сделав несколько глотков, – знал бы ты, как прежде Лопухины жили... Мы род свой от косоожского князя Редеди ведем, В глубокой старине род наш переплелся с корнями от самого Рюрика идущими... Слышал когда-нибудь о Рюрике?.. Не слышал... а жаль!.. Рюрик был первым князем на землях русских. По родовитости мы выше Романовых... Вот только общипали род наш, как курицу. Царь Петр Алексеевич, на моей бабке женатый, первый кровь роду нашему пустил. А потом бабье правление пришло... Вокруг комарьем подлые люди вьются... Вчера по вантам матросом бегал, теперь в чинах больших ходят, графами становятся. В ущерб старинным боярским и княжеским родам! То тут отщипнут у Лопуховых, то там.. Во время правления внука царя Петра Первого род наш подниматься стал – всё ж родная кровь Лопухиных в нём бурлила. Но кроткой была жизнь его... – При Анне Леопольдовне я камер-юнкером, полковником. А теперь – подполковником не знаю чего?..

Подполковник глубоко вздохнул и снова потянулся рукою к стакану с вином – снова – бабье правление... Когда оно, черт возьми, кончится. Настоящий император где-то в заключении томится а тут... Подполковник замолчал, потом поднялся в полный рост, суставами похрустывая.

Да, – сказал Лопухин со вздохом, взяв руку бутылку и встряхнув ее, Из бутылки вылилось незначительное количество бардового цвета жидкости – вино кончилось...

– Эта беда поправима, – заметил Бергер, – стоит только нам всем пойти ко мне, Пара бутылок «венгерского» у меня найдется.

Наняли извозчика и весело покатали на Большой Васильевский остров. У Бергера под «венгерское» разговор продолжился.

– Два фельдмаршала в правительстве императрицы, да и те глупы – продолжал разглагольствовать здорово подпивший подполковник, в кружку которого Бергер не забывал подливать так, чтобы она пустой не была. – Управители нынешние все до одного негодные – это не то, что прежние были Остерман и Левольд... Только одного умного можно найти в окружении Елизаветы – Лесток, проворная бестия, «ловкая каналья»! Доведут они балами, да танцами Россию до полного разорения. Но, даст Бог всё скоро к лучшему переменится.

– Иван Степанович, милостивый государь, неужели можно надеяться на освобождение из заточения принца Иоанна? – воскликнул Фалькенберг

– Не принца, а законного Государя нашего Иоанна Шестого, – перебил майора Лопухин. – скоро придёт и сядет на престол монарх наш законный. И в том будет ему помогать король прусский. Наши тоже против Государя ружья не подымут.

Фалькенберг с иронией в голосе спросил:

– И когда придёт тому перемена?.. И буде в силе большой Иван Степанович, вспомнит ли он тогда о бедном майоре Матеусе Фалькенберге-?

Не замечая язвительной иронии в вопросе, Лопухин отвечал:

– Падение придет скоро, а о друзьях я всегда помню.

– А к кому обратиться большому, чтоб заранее забежать?

Не знаю. Слышал, что маркиз Ботта императору Иоанну – слуга и доброжелатель..

На следующий день И Бергер и Фалькенберг о разговоре том донесли Лестоку, а тот повез их с собою в царский дворец, где они в присутствии императрицы Елизаветы повторили свой донос

Лесток получил указание императрицы начать аресты и допросы.

А на улицах Санкт-Петербурга 21-го июня 1743 года задвигались отряды гвардейцев и кирасир. Для жителей столицы это был грозный сигнал – улицы заметно опустели, и столица притихла.., Горожанам были хорошо знакомы события годичной давности, когда на улицах хватали людей и тащили в Тайную канцелярию. Причиной иому оказался заговор против императрицы Елизаветы. Организаторами его оказались камер-лакей Александр

Турчанинов, прапорщик Преображенского полка Петр Квашин и сержант Измайловского полка Иван Сновидов. Три человека, невысоких чинов и званий решили возвратить и посадить на престол императора Ивана Антоновича. И не следует умалять их возможностей. Квашин говорил Турчанинову, что им подобрана группа из шести десятков гвардейцев. И Сновидов говорил о шестидесяти. Был у них и план действий: «...ночным временем прийти к дворцу и, захватив караул, войти в покои Ея императорского величества и Его императорского высочества и умертвить, а затем арестовать лейб-компанию, а кто из них будет противиться, – колоть до смерти».

«Слава богу, пронесло!» – говорили облегченно петербуржцы, поняв, что Тайная канцелярия оставила их своим вниманием

Всё суета сует... Томленья духа!
Приятен ты для взора и для слуха.
Сегодня разодетый в пух и прах...
Его сиятельство и граф...

В карете, на коне верхом...
А завтра ты в телеге и пешком,
В простых портках рубахе —
Оставишь свою голову на плахе.

Иль несмываемый позор
На лбу клеймо поставят – «вор»
Сошлют в Сибирь на поселение...
Такое всем привычное явление!

Милосердие монархини

Слово не птица, слетев с языка,
В уши чужие влетает.
Если смешное, потешит слегка.
Злобное – гнев вызывает!

Выпустив слово, назад не вернуть,
Как бы того не хотелось.
Слово само выбирает свой путь:
«Трусость», «безумную смелость»...

Время наступит – собрать урожай,
Что породило то слово.
Прежде подумай, чем слово рожать,
Горе несущее снова!

Испуганная Императрица поверила в серьезность заговора, тем более что речь шла о Лопухиных, которых дочь Петра не любила, но вынуждена была считаться с ними из за их положения и заслуг. Не откладывая дело в долгий ящик, Государыня подписала указ такого содержания:

«Указ – генералу Ушакову, действительным тайным советникам князю Трубецкому и графу Лестоку...

«Донесли нам словесно поручик Бергер да майор Фалькенберг на подполковника Ивана Степанова сына Лопухина о некоторых важных делах, касающихся нас и государства; того ради повелеваем вам упомянутого Лопухина арестовать, у Бергера и Фалькенберга взять доносы в письменном виде и исследовать, а если на допросе иные лица появятся, то несмотря на персону, в комиссию забирать и исследовать, о выводах доносить нам»

Слова, касающиеся «персон» были определены следствием ведущим – речь шла о братьях Бестужевых.

Решено было начать допрос с Натальи Лопухиной. И это было вполне обоснованно. Роль женщины, как источника скрытой информации, статс-дамой при императрице пребывающей, намного превосходила мужчин. И добыть ее от женщины, используя метод устрашения, казалось значительно легче. А важнее всего было то, что подступиться к Анне Гавриловне Бестужевой, не прощупав всего, что накопилось в голове Статс-дамы Лопухиной, было бы непростительной глупостью. Итак, 25 июля в пятом часу утра в дом к Лопухиным явились Лесток, Ушаков и Трубецкой в сопровождении гвардии Преображенского полка капитана Протасова и четырех гвардейских рядовых чинов. В такое время хозяева дома сладко почивать еще изволили. Приход генерал-прокурора и главы Тайной канцелярии вызвали настоящий переполох слуг барских. Гвардейцы силой быстро навели порядок среди слуг ретивых и услужливых. К приходу таких грозных гостей хозяева были никак не готовы. Иван Лопухин был полуодет, затравленный взгляд молодого человека метался от лица одного пришедшего к другому. Лесток объявил подполковнику о его аресте и аресте на все его бумаги, (таковых у офицера, находящегося временно вне дел, оказалось слишком мало) – переписка вообще отсутствовала. Лопухину дали время на то, чтобы он оделся и под конвоем двух гвардейцев направили в здание Тайной комиссии. Ушаков в это время был занят хозяйкой – матерью арестованного. Наталья Федоровна выглядела жалкой и растерянной

ной в домашнем платье, без корсета, без косметических средств на одутловатом лице. А чего еще следовало ожидать от женщины сорока трех лет, хотя при дворе она входила в число самых красивых придворных дам? Вся ее «переписка» была арестована, хотя осмотр ее беглым взглядом, давал понять, что ничего интересного для дела нет.

Делай как все, если сил не хватает,
Крылья расправить и в небо взлететь.
Пусть твое сердце от лести не тает —
Не пляшет по телу тяжелая плеть.

Есть у нас орган особо опасный —
Мы называем его языком,
Недооценивать беды напрасно,
Жизнь от него полетит кувырком!

Ивана Лопухина доставили в Тайную канцелярию и немедленно подвергли допросу. Перепуганный молодой офицер отвечал так, как было на самом деле: никаких враждебных намерений низвергнуть с престола императрицу Елизавету и возвести на него принца Иоанна он не имел, ничего он не знает ни о гарнизоне, ни о карауле лиц Брауншвейгской фамилии. Сознавался в злословии против императрицы, министров ее и придворных. Относительно злословия против императрицы, ее министров и придворных сознался. Рассказал, что к отцу его ездят князь Иван Путятин и Михайло Аргамаков, но не для каких-либо замыслов, а для забавы. Когда ему задали вопрос, отчего он не доносил на преступные разговоры, которые с ним вели Бергер и Фалькенберг, ответил; «оправдываться не стану, в том и винюсь!»

После допроса Лопухину устроили очную ставку с доносчиками, и ему пришлось целиком подтвердить их показание. Это дало возможность следователям подозревать в неискренности обвиняемого, в желании обмануть их. А это уже являлось обоснованием для применения пыток.

Доносчиков отпустили, взяв с них подписку под угрозой смертной казни ничего не разглашать о деле.

Посланы были указы в Москву камергеру А. И. Шувалову и А. Б. Бутурлину с приказом арестовать С. Лопухина со всеми его письмами и бумагами и прислать в Петербург, также поступить с кн. И. Путятиным и М. Аргамаковым.

При втором допросе, Иван Лопухин, напуганный резкими окриками и угрозами, рассказал о том, что к его матери, когда та находилась в Москве, приезжал маркиз де Ботта и говорил, что не будет спокоен, пока не поможет принцессе (Анне Леопольдовне), и что прусский король будет также помогать, о чем он (Ботта) будет стараться. Эти слова я слышал от матери, когда у нее гостила Анна Гавриловна Бестужева которая при этом заметила: «Где это де Ботте сделать?» Подумав же, прибавила: «а может статься».

Можно только представить себе, как оживились и обрадовались следователи, услышав фамилию Бестужевой и ее слова, дававшие основание привлечь ее к делу. Они же стали считать задачу выполненной, когда узнали от Ивана Лопухина о том, что к его матери Наталье Федоровне ездят в гости не только Анна Гавриловна, но и Михаил Петрович – всё Бестужевы попались!

Тотчас же после признаний Ивана Лопухина, следователи отправились на дом к арестованной Наталье Федоровне и стали ее допрашивать. Она не отпиралась, говоря о том, что к ней приезжал Ботта и они говорили об участии Брауншвейгской фамилии. Ботта высказывался о намерении ей помочь. на что она, Лопухина, желая принцессе свободы и про-

пуска на родину, умоляла де Ботту «не заваривать каши и не делать в России беспокойств». Но Ботта не соглашался и твердил, что будет стремиться, чтобы принцессе быть по-прежнему на Российском престоле. О том беседовала с Анной Бестужевой, без какого-либо умысла или намерения действовать, а только для разговора.

Когда же у Натальи Федоровны следователи спросили о том, чем вызвано ее расположение к принцессе и недовольство императрицей, Лопухина сослалась на милости первой и на обиды со стороны второй: отнятие деревни, отставку мужа и понижение по службе сына.

Узнав о результатах допросов Лопухиных, Государыня Елизавета приказала графиню Анну Бестужеву арестовать и допрашивать, а мужу ее графу Михайле Бестужеву объявить ее Императорского Величества указ, чтобы он со двора до указа не выезжал, а письма их запечатать. Анна Бестужева с дочерью были заключены в бывшем дворце Елизаветы близ Марсова поля, а сам Бестужев должен был оставаться в своем приморском дворе безотлучно. Дочь Бестужевой Настасья Ягужинская подтвердила разговор Лопухиных о правительнице в смысле благожелательств и неодобрения существующего правительства. Показания самой Бестужевой были осторожны и неопределенны. Она сознавалась в разговоре с Н. Лопухиной, но отрицала какую бы то ни было причастность к делу М. П. Бестужева. 26-го июля последовал указ: «Ивана Лопухина, мать его Наталью и графиню Анну Бестужеву отослать под караул в крепость». При упоминании о крепости бледнели очень храбрые из арестованных, об ужасах ее ходили самые фантастические легенды, и мало кто из попавших туда возвращался в среду живых людей. Путь из нее обычно шел к месту казни на площади или же в такие места Сибири, куда ворон костей не заносил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.